

Интернет-журнал «Мир науки» ISSN 2309-4265 <http://mir-nauki.com/>

Выпуск 2 - 2015 апрель — июнь <http://mir-nauki.com/issue-2-2015.html>

URL статьи: <http://mir-nauki.com/PDF/05FILSMN215.pdf>

УДК 101.1:316

Вершилов Сергей Анатольевич

ФГКВОУ ВПО «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е.Жуковского и Ю.А.Гагарина»

Филиал в г. Краснодар

Россия, Краснодар

Доцент кафедры боевой подготовки и безопасности полётов

Кандидат философских наук

E-mail: vershil@mail.ru

Динамика развития военной безопасности российского государства

Наличие войн и вооружённых конфликтов повышает значимость исследований динамики развития военной безопасности. Однако в научной литературе пока ещё нет конвенционального подхода к заявленной в работе проблеме. Факторное толкование вкупе с возможностями социально-философского анализа, проведение которых относительно военной безопасности российского государства запланировано в пределах статьи, подчеркнут её динамику развития под воздействием глобализационных процессов. Автор полагает, что его попытка в интерпретации указанного поможет приоткрыть «завесу» по столь волнующему вопросу.

Военная безопасность; военно-политическая обстановка; война; вооружённый конфликт; динамика развития; информация; национальная безопасность; опасность; состояние; социально-философский анализ; субъект; угроза; факторный анализ. Динамика развития военной безопасности российского государства

Наличие войн и вооружённых конфликтов повышает значимость исследований динамики развития военной безопасности. Однако в научной литературе пока ещё нет конвенционального подхода к заявленной в работе проблеме. Факторное толкование вкупе с возможностями социально-философского анализа, проведение которых относительно военной безопасности российского государства запланировано в пределах статьи, подчеркнут её динамику развития под воздействием глобализационных процессов. Автор полагает, что его попытка в интерпретации указанного поможет приоткрыть «завесу» по столь волнующему вопросу.

Ключевые слова: военная безопасность; военно-политическая обстановка; война; вооружённый конфликт; динамика развития; информация; национальная безопасность; опасность; состояние; социально-философский анализ; субъект; угроза; факторный анализ.

Ссылка для цитирования этой статьи:

Вершилов С.А. Динамика развития военной безопасности российского государства // Интернет-журнал «Мир науки» 2015 №2 <http://mir-nauki.com/PDF/05FILSMN215.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

Применительно к динамике развития военной безопасности российского государства существенное значение имеют, как минимум, *пять позиций*. Одна обязывает внимательно посмотреть на изменения, происходящие в содержании предмета исследования. Другая подразумевает выявление тенденций в развитии качества репрезентативной практики полномочных носителей военной безопасности. Следующая позиция требует неукоснительного соотнесения направленности и интенсивности трансформаций, происходящих в содержании и качестве познаваемого явления. Ещё одна предполагает изучение изменений, которые обнаруживаются в механизме связей между содержанием и качеством военной безопасности российского государства. Не менее важна *последняя позиция*, которая нацеливает на прогнозирование динамики развития указанной научной проблемы в период становления нового миропорядка. Показ данных точек зрения станет наиболее существенным стремлением автора в рассмотрении материала статьи.

«Символ всеобщего» в его гуманистическом смысле рядом факторов оказывает воздействие на динамику развития военной безопасности нашего государства. Важно выявить эти обстоятельства, посредством которых глобализационные процессы влияют на продуктивное и / или непродуктивное качество последней в начале 21-го столетия. Словом, памятуя о социально-философском подходе, всё же актуализируется потребность и в факторной интерпретации динамики развития указанной научной проблемы, что, безусловно, поспособствует более углубленному её восприятию.

Первый фактор. Появился новый по своему характеру «портрет» военно-политической обстановки. В пределах глобализации военная безопасность российского государства находится в процессе постоянных изменений. Проявляются или исчезают её различные импликации типовой предрасположенности и противоречий, совершенствуются правила и нормы, регулирующие деятельность, идеологию и поведение военно-гражданских субъектов. При всех её трансформациях непременно присутствует, оказывая своё влияние, как минимум, один военно-политический актор – США.

По оценке Д. Жильцова, «Соединённые Штаты за время пребывания у власти Б. Обамы подтвердили неизбежность военно-политического курса на удержание лидирующего положения страны в мире как военной и экономической сверхдержавы» [6, с. 3]. Открывается очередная «культурная страница» репрезентативной практики американского субъекта, связанная с борьбой за планетарное господство. В подобной ситуации для динамики развития военной безопасности российского государства становится стратегически приемлемым постоянное наблюдение и интенция к осведомлённости о своей уязвимости от возможной опасности. С точки зрения указанного – это мониторинг «образа врага» с целью мобилизации российского социума на обнаружение адекватного ответа, порой, с применением вооружённого насилия.

В этой связи небезынтересно суждение об иностранном субъекте военной политики, представленное А.И. Извековым в одной из своих работ: «Запад, не имеющий <...> в своей экспансии никаких границ, демонстрирует угрозу устоям бытия соотечественников, носящим характер высшей ценности» [7, с. 87]. Это и не удивительно, ибо некоторые особенности военно-политического выбора некоторых западных государств вызывают критику и со стороны зарубежных мыслителей, например, Дж. Мюллера. По мысли учёного, «их строй держится на двух китах – эгоизме и жажде наживы» [15, с. 9]. Отсюда и стремление поучаствовать чуть ли не во всех вооружённых конфликтах («цветных» революциях) современности, в которых пропагандируется культура своего видения демократии. В такой ситуации военная безопасность российского государства постоянно испытывает напряжение в отстаивании своих национальных интересов на международной арене. Развернувшиеся на Украине события в 2014-2015 гг. – весьма характерное тому подтверждение.

С этим трудно не согласиться, но важно отметить одно существенное дополнение. США крайне редко «позволяют» себе избегать военного вмешательства, а их идеологические адепты продолжают лгать, входить в сговор, искажать информацию, манипулировать сознанием, вести себя грубо по отношению к слабому, унижать несогласных, имеющих противоположную точку зрения. Как справедливо полагает А. Серов: «Началу военных действий всегда предшествовали мощные информационные кампании, целями которых являлись <...> дискредитация противника и создание образа врага» [22, с. 15]. Именно такое обстоятельство выступает существенным свидетельством опасности по утверждению американской идеологии в качестве инструмента воздействия на сознание россиян, являющегося благодатной почвой для пролонгирования указанным субъектом курса на нескончаемые «эгоизм и жажду наживы». Это, в случае отсутствия адекватного ответа со стороны российского государства, способствует снижению потенциала его военной безопасности.

Согласно Н.Н. Моисееву, «мы живём в мире с потрясающе быстрой сменой реальности и всего, что отсюда следует» [13, с. 161]. Вместе с тем параллельно усиливаются дестабилизирующие последствия глобализации на деятельность, идеологию и поведение соотечественников. В этом обнаруживается *второй фактор*, связанный с воздействием всеобщих процессов на динамику развития военной безопасности российского государства. Суть его в следующем: одним из значимых проявлений такого влияния выступают как *разрушительные, так и созидательные последствия непрерывных войн разного масштаба, длительности и охвата пространства.*

Именно вооружённые конфликты были и остаются до сих пор важным обстоятельством того, что военная безопасность включает в себя как процессы своего усложнения, так – и деградации. В исторической ретроспективе войны в наибольшей степени отражали процессы деградации, а, в конечном счёте – и гибель соотечественников. Это замедляло или временно прекращало поступательную эволюцию военной безопасности российского государства.

Вместе с тем конфликты способствовали техническому прогрессу сначала в области вооружения и военной техники, а затем и в сфере обновления технологии по увеличению производства более совершенной и разнообразной продукции гражданского назначения. Новые поколения получали и получают в наследство наиболее высокие достижения во всех сферах социальной жизни и на этой основе, как правило, ускоряли и ускоряют продуктивную эволюцию военной безопасности российского государства. Кроме того, силовое противостояние играло мобилизующую роль в организации общественной жизни и повышении самосознания россиян.

Такое рассмотрение войн и вооружённых конфликтов с позиции динамики развития военной безопасности повлекло за собой отвлечение от их морально-этической стороны – ценностного аспекта. По мнению А.В. Вагурина, «в отличие от самых свирепых хищников, уничтожающих своих сородичей ради выживания, люди начинали, вели и продолжают вести военные конфликты для достижения политических и идеологических целей, грабежа и порабощения целых народов» [2, с. 141]. В эпоху глобализации, вопреки международному праву, развязываются вооружённые конфликты. Как следствие, гибнут мирные люди, появляется большое количество беженцев, которые даже не догадываются об истинной причине начала боевых действий (например, рядовые жители Чечни в конце XX века, граждане Южной Осетии в августе 2008 года, население юго-востока Украины в 2014 году, Сирии и Йемена в 2015 году).

По своим последствиям вооружённая борьба представляет собой самоистребление и своеобразный каннибализм. Так, в одной из работ А.И. Скрыльника подчёркивается, что «в войнах А. Македонского счёт жертвам среди населения захваченных им стран шёл на тысячи и десятки тысяч, у Цезаря – на сотни тысяч, у Чингизхана – на миллионы, у Гитлера – на десятки

миллионов» [23, с. 531]. С такими, далеко не радужными, результатами «столкнулась» репрезентативная практика полномочных агентов военной безопасности российского государства в начале 21-го столетия.

В эпоху глобализации, когда мир не стал менее насыщенным военными вызовами, не уменьшается количество армий и численность их личного состава, но произошло непросчитанное сокращение Вооружённых Сил России. Если накануне Второй мировой войны в мире было 50 армий, то к началу XXI в. их стало более 200. При этом разрушительная сила имеющегося оружия (без учёта ядерного), согласно В.В. Серебрянникову, выросла в 20-25 раз [21, с. 285]. В этой ситуации репрезентативная практика субъектов военной безопасности должна отражать такое сочетание способов взаимодействия и форм объединения, которые утверждали бы их интенцию к сбережению уже накопленного – отечественного и позитивного мирового – опыта по интересующему вопросу.

В истории обеспечения военной безопасности подобное – рост вооружения – наблюдалось не раз. По мнению В.Д. Рябчука, парадоксально сформулировал в XVI в. военную доктрину итальянский теоретик Н. Макиавелли: «Люди, оружие, деньги и хлеб – вот живая сила войны. Но первые два – важнее всего, ибо, имея людей и оружие, всегда можно добыть деньги и хлеб» [16, с. 69]. Данная примитивная идея вполне реально и успешно реанимируется сегодня в практике военно-политической элиты ряда государств в вооружённых конфликтах современности. В этой связи для военной безопасности России следует считать непреложным адекватное и своевременное решение на мобилизацию её сил и средств в нейтрализации такого подхода. Это и понятно, ведь указанное в настоящем абзаце остаётся серьёзным и доминирующим аргументом в подавляющем большинстве войн.

Третье существенное обстоятельство влияния глобализации на динамику развития военной безопасности российского государства находит своё проявление *в лавинообразном росте объёма военно-политических сведений и быстром обновлении медиа технологий*. Во-первых, всё больше сокращаются периоды радикальной смены информационных нововведений, что постепенно расшатывает относительную устойчивость технико-экономической базы военной безопасности. Во-вторых, спрос силовых структур на совершенные образцы компьютерной и коммуникативной техники становится настолько «богатым» действием, что порождает беспрецедентную гонку военных потребителей за инновационной продукцией в интересующей сфере манипулирования сознанием людей. В-третьих, по мнению И.В. Сергеева, «методы информационного воздействия позволяют извне регулировать интенсивность протекания конфликтов, варьируя степень их социальной опасности» [20, с. 58].

В свою очередь военно-промышленные комплексы ряда государств проявляют явное и достаточно серьёзное стремление к созданию более совершенных разновидностей «товара идеологического подавления». Подобная «культурная погоня» выходит за пределы физических и интеллектуальных возможностей, в том числе, и российского государства. С одной стороны, это затрудняет реализацию репрезентативных – деятельностных, идеологических, этических – приёмов и способов его полномочных субъектов по уяснению возникшей или потенциальной опасности. С другой – замедляет обнаружение ими адекватного ответа и вуалирует продуктивный вектор динамического «движения» военной безопасности к причинённой цели. Так, непрекращающиеся вот уже более 20-ти лет «информационные атаки» на сознание украинской нации об её исключительности привели к тому, что значительная часть молодого поколения Украины оказалась враждебно настроенной по отношению к России. События, развернувшиеся в 2014-2015 гг. на юго-востоке этой страны только подтверждают указанный выше тезис.

Мобильная связь и Интернет проникают в репрезентативные практики субъектов военной безопасности нашего государства, вследствие чего последняя оказывается в новых пространственно-временных координатах, что способствуют интенсификации её включения в процессы глобализации. В нынешней ситуации её размеренность канула в прошлое, а волна, согласно Н.А. Молчанову, «нарастающей динамики военно-политической активности и нравственного определения становятся характерной и для неё» [14, с. 2]. Не хотят замечать эту тенденцию зарубежные партнёры, которые свои интересы, зачастую, реализуют без учёта интересов россиян. Санкции, введённые Западом против России, в том числе и в оборонной сфере в 2014 г. и пролонгированные им в 2015 г., имеют своей целью ослабить отечественную военную безопасность.

В то же время, указанная в предыдущем абзаце непосредственная включённость военной безопасности российского государства во всемирное коммуникативное пространство испытывает на себе мощное психико-идеологическое воздействие со стороны различного рода националистов, сепаратистов и террористических формирований. Результаты подобных акций, при наличии единого информационного поля, моментально становятся достоянием мирового сообщества, что, в свою очередь, порождает массовый страх и чувство безысходности у людей. Вряд ли в такой ситуации обеспечение военной безопасности может стать продуктивным.

С одной стороны, для военной безопасности российского государства, благодаря использованию технологий манипуляции сознанием, идеологический миф становится феноменом, утверждающим, если по М. Хайдеггеру, «себя – в себе самом – показывающим» для эффективной деятельности и сбережения ценностей. С другой, он же оказывается инструментом как бы сведущим, по тому же М. Хайдеггеру, «себя – так – сам – по себе – кажущим» для реализации поставленной цели [27, с. 28]. В эпоху глобализации каждый из указанных случаев предстаёт в качестве способов взаимодействия и форм мышления и поведения, в которые вовлечены как позитивная – в первом варианте, так и негативная – во втором – интенции соотечественников.

Это в очередной раз подтверждает следующий факт: военная безопасность российского государства нуждается в незамедлительном создании военной идеологии. Последняя может придать продуктивный импульс взаимосвязи элементов её структурного среза, в частности, деятельности и поведения «известных агентов» по интересующему вопросу. К сожалению, недостаточная сформированность таковой помешала России в августе 2008 г., равно как и в 2014 г., эффективно противостоять характерным – информационным – приёмам Запада в представлении событий тех периодов в Южной Осетии и Украине. Подобное в определённой степени привело к освещению обстановки со второй позиции упомянутого М. Хайдеггера: «себя – так – сам – по себе – кажущийся».

Качественная реализация нарочитого во многом зависит как от заказчика продукции – гражданского общества, так и личности технолога – профессионального идеолога. Безусловно, в современных условиях названные субъекты конструируют, а иначе нельзя, новую среду идей и взглядов, раскрывающих обеспечение военной безопасности, и задают ей направление динамического развития. Пока их очертания остаются малопривлекательными, больше похожими на матрицу главного героя романа У. Эко «Пражское кладбище» Симоне Симонини, способность которого к мифотворчеству переплетается с ограниченностью и аморфностью [30]. В такой ситуации временная проблема – отсутствие идеологии – становится достаточно серьёзным возбудителем «расстройства» системы военной безопасности, а если согласно итальянскому писателю, то «имеет печать раздора и смут» [30, с. 317]: её реальность исчезает, оригинал обесценивается, либо предаётся забвению.

Причина подобного заключается в том, что в отсутствие продуктивной идеологии размывается «старт» возникающей опасности для специалистов в области военной

безопасности. Их деятельность и поведение разворачиваются в созданном западными политтехнологами социокультурном пространстве, многое осознаётся ими сквозь призму навязанных симулякров. Вряд ли следует считать патриотичными решения команды экс-министра обороны РФ А.Э. Сердюкова по следующим вопросам: а) ликвидации в течение нескольких лет 65 военных учебных заведений с переводом обучающихся в 10 так называемых учебных центров; б) отказу воспитанникам суворовских и нахимовского училищ в участии в военном параде [1]. И это лишь за тем, чтобы некоторые училища начать возрождать сегодня, а суворовцам и нахимовцам разрешить всё же маршировать по Красной площади.

Кроме того, в условиях проведения информационных операций, нацеленных на манипулирование сознанием населения и военно-политического субъекта, чрезвычайно сложно разграничить вероломство и военную хитрость. В настоящее время в международном праве нет чётко установленных императивных критериев поведения, позволяющих однозначно решать эту задачу. В результате создаются предпосылки для утверждения, что манипулирование восприятием сознания не нарушает законов войны. Тем не менее, в ряде случаев махинации с определённой информацией приводили к совершенно конкретной мобилизации сил и средств военной безопасности российского государства, которое в итоге оказывалось вовлечённым в поиски по обнаружению «врага».

В частности, именно искажённая картина позволила обосновать «законность» развязывания двух мировых войн в прошлом столетии. В современных условиях этот приём, по утверждению некоторых исследователей, применяется достаточно часто. Так, по оценке И.Н. Дылевского и др., «манипуляции США с ложными разведанными о наличии у Ирака ядерного оружия позволили ввести в заблуждение мировое общественное мнение и тем самым узаконить военную агрессию Запада в Персидском заливе» [5, с. 8]. И таким образом американское вторжение состоялось, оружие массового уничтожения не обнаружилось, С. Хусейн повешен, контроль со стороны Соединённых Штатов за нефтяными ресурсами региона вроде бы налажен, но на территории Ирака бесчинствуют террористические подразделения исламского государства.

Основательным в этом отношении, подтверждающим представленную выше позицию И.Н. Дылевского, является мнение С.Л. Ташлыкова: «Общая черта военно-политического содержания военных операций США и их союзников конца XX – начала XXI вв. заключалась в том, что все они, за исключением операции «Решительная сила», проводились без санкции Совета Безопасности ООН и потому являлись с точки зрения международного права незаконными и агрессивными» [5, с. 22]. Следует отметить, что в каждом случае особенность правовой культуры указанного субъекта для обоснования необходимости использования силы против суверенных государств, как и заявленные цели операций, включала в себя лишь информационную – идеологическую – манипуляцию и была далека от реальности.

По прошествии многих лет со времени вторжения в Ирак, гибели сотен тысяч иракцев, нескольких тысяч американских военнослужащих запоздалым явилось решение политического руководства США о выводе воинского контингента из страны. Кошунственным и преступным по отношению к Ираку, всему мировому сообществу выглядит заявление бывшего министра обороны США, сделанное им во время визита в иракский город Рамади в конце августа 2010 г. В частности, Роберт Гейтс заявил: «Режим Саддама Хусейна не располагал оружием массового уничтожения, и повод для вторжения в Ирак был надуманным» [3]. Очередная «надуманность» США обернулась катастрофой для целого народа. Во истину, «глобальный (оголтелый) агрессор» не ведает препятствий на своём пути для удовлетворения амбиций по установлению нового миропорядка. В такой ситуации и военная безопасность нашего государства испытывает на себе негативное воздействие информационной войны, которую ведут против России некоторые западные страны.

И, наконец, следует отметить, что в случае распространения действующих норм гуманитарного права на информационные операции, как одну из форм ведения военных действий, повлечёт за собой необходимость имплементации всех соглашений, регулирующих законы и обычаи ведения войны. Современные отечественные учёные пытаются привлечь внимание международного сообщества к реальности существования принципиально нового военно-политического вызова. Например, по мысли В.И. Лутовинова, «основу мер информационно-психологического характера должны составить мероприятия, направленные на формирование необходимого общественного мнения внутри страны и за рубежом путём актуализации деятельности, идеологии и поведения специально подготовленного субъекта» [12, с. 8].

Безусловно, претворение в жизнь зафиксированного продуктивно скажется на динамике развития военной безопасности. И произойдёт это по той простой причине, что имеющая сегодня место опасная лакуна будет заполнена генерализованным – государственным – вмешательством. Словом, частное явление – информационное противоборство, станет подчиняться общей цели: адекватному пониманию необходимости предотвращения ущерба национальным интересам и ценностям.

К сожалению, в прошлом веке, когда было создано химическое, биологическое, а затем ядерное оружие, субъектам военной безопасности государства – как раз в пределах их репрезентативной практики – не удалось своевременно уяснить и реализовать указанное в предыдущем абзаце текста статьи. Это повлекло за собой неисчислимые жертвы и страдания человечества, в том числе и наших соотечественников. В современных условиях особенность культуры «принятия и продвижения» международно-правовых актов по сокращению ракетно-ядерного арсенала, запрещению биологического и химического оружия заключается в том, что их объективация часто осуществляется с большим опозданием. Сирия, отчасти, явилась исключением из этого правила.

В наступившем тысячелетии нельзя допустить повторения подобной ситуации в отношении принятия мер по парированию опасности, связанной с распространением информационного оружия и безнаказанного ведения информационных операций. Для этого необходимо, в первую очередь, активизировать работу в контексте своевременного и адекватного реагирования на уже имеющиеся факты нарушений принципов международного права. А после этого выстроить надёжный правовой заслон надвигающемуся вызову по бесконтрольному развязыванию информационной агрессии с непредсказуемыми последствиями планетарного масштаба. В противном случае начнётся жёсткое подавление военной безопасности российского государства по принципу агрегированного превращения, когда провалы в информационной сфере получают своё «расширение» в новых негативных обстоятельствах. Подобное положение в перспективе сделает реальным установление духовного тоталитаризма – «навязанного чужого», где в одномерном унифицированном пространстве россияне, лишённые ценностей национальной и культурной идентичности, получают «счастье» зависимых существ.

Поэтому знание культуры технологии современного идеологического мифотворчества поспособствует, согласно Е.Л. Яковлевой, «снять некоторый флер чудесности» [31, с. 178], возвратив российский социум в лоно рациональности и приемлемого обеспечения военной безопасности. Благодаря полученным сведениям, соотечественники смогут провести границу между сущим и должным, тем самым, адекватно дистанцироваться от военной опасности. К сожалению, в эпоху глобализации культура значительной части россиян не предрасположена сказанному в предыдущем предложении, поскольку фраза «мыслию, следовательно, существую» постепенно утратила для них свою привлекательность, освободив место иному этическому императиву: «потребляю – значит живу».

Лавинообразное увеличение объёма и скорости информационного обмена между локальными обществами, безнаказанное проведение информационных операций во многом способствуют росту деструктивизма в развитии военной безопасности российского государства. Но важно заметить, что в условиях глобализации общемировые потоки информации предполагают и положительное значение для её обеспечения. Это возможно вследствие того, что они достаточно быстро множатся по своему объёму, скорости распространения и практическому использованию в сферах жизни мирового сообщества (военная – не исключение).

В XXI в. указанное может оказаться «инициатором» ускорения интеграции военной безопасности ряда локальных государств, например, стран-участниц ОБСЕ, ОДКБ и ШОС. Но пока не оказывается, ибо некоторые субъекты данной области деятельности не проявляют должного стремления воспользоваться представившейся им возможностью. Российский социум, скорее всего, предстаёт только на старте своего вступления в импликацию плодотворного обеспечения военной безопасности. И сегодня нет гарантий того, что обозначенный процесс будет протекать прямолинейно и без огромных помех, поскольку репрезентативную практику её полномочных субъектов ждут замедления, возможны провалы и откаты назад, но спасение наших соотечественников – в движении по этому пути.

Четвёртый фактор. Для современного этапа культуры локальных государств характерны *растущие различия их темпов развития*. Одни из них развиваются сверхбыстрыми темпами, другие – средними, третьи – медленными, четвёртые находятся в депрессивном состоянии, наконец, пятые переходят от развития к деградации и распаду политического и экономического строя (например, Сомали, Афганистан, Ирак, отчасти Украина и др.). Очевидно, что обеспечение их военной безопасности подразумевает неодинаковые и разнонаправленные степени реализации своего функционального предназначения.

В этой связи в динамике развития военной безопасности российского государства проявляются закономерные тенденции: сочетания усложнения с деградацией, прогресса с регрессом и роста упорядоченности с хаосом. При этом военная безопасность политической организации страны – в контексте деятельности, идеологии и поведения её полномочных субъектов – испытывает в определённой степени доминирование процессов деградации, регресса и хаоса над «весом» в ней элементов усложнения, прогресса и упорядоченности. По оценке Т.В. Грачёвой, «запущен механизм постепенного растворения суверенитета России путём чуждого окультуривания многих сфер жизни соотечественников, включая экономическую, политическую, социальную, военную и духовную» [4, с. 93].

Поскольку многие страны традиционно сотрудничают с Российской Федерацией и имеют с ней партнёрские отношения, постольку включение их в глобалистский проект имеет цели деструктивного характера для военной безопасности российского государства. Они заключаются в том, чтобы лишить россиян союзников и симпатизантов, поставив последних под контроль Запада, а в дальнейшем, когда они полностью запутаются в его «культурных хитросплетениях», принудить выступить против нашей страны. Как это, собственно, произошло (и происходит) в ходе конфликтов России с Грузией в 2008 году и Украиной, начиная с 2014-го.

Следует заметить, что глобализация – многомерный социокультурный феномен, который нельзя оценивать только в качестве позитивного или исключительно негативного явления. В нём имеются объективные элементы, способствующие дальнейшему развитию военной безопасности российского государства, и субъективные, отражающие характер целевых установок Запада против России и её партнёров. Тем самым наши «недружественные соседи» стремятся придать процессам глобализации ту форму, которая выгодна им. Пожалуй, можно согласиться с мнением А.Н. Чумакова в том, что «те, кто получает выгоды от

глобализации, словом и делом продвигают её» [29, с. 32]. Следует добавить: Россия, ощущая себя объектом манипуляции, должна предпринимать возможные попытки противостоять такой глобализации, выступая с требованиями сделать её действительно управляемой.

В этой связи при исследовании воздействия глобализационных процессов на развитие военной безопасности российского государства начала XXI в. важно учитывать, с одной стороны, *неравномерность изменений, происходящих в других локальных социумах*. С другой, необходимо признать, что качество – продуктивное и / или контрпродуктивное – военной безопасности находится *под влиянием репрезентативной практики соотечественников*. Содержание взаимодействия только что перечисленных сторон составляет *пятый фактор*, который следует рассмотреть более подробно.

Очевидно подобное определяет военную безопасность российского государства как сложный и подверженный влиянию в пределах внешних и внутренних обстоятельств инструмент, в котором эволюционируют репрезентативные – деятельностные, идеологические и поведенческие – практики россиян и их союзников. Всё вместе взятое, а этим вполне исчерпывается характер динамики развития военной безопасности, актуализирует учёт новой реалии – выхода на международную «сцену» и других, помимо американского и европейского, локальных субъектов – в частности, российского. Но зарубежные «агенты золотого миллиарда», как правило, не желают принимать во внимание подобной действительности, что приводит к разработке и оформлению различных теорий, например, С. Хантингтона – с его «столкновением цивилизаций» и Ф. Фукуямы – с «концом истории».

В этом отношении примечательна и весьма показательна для культуры умонастроения значительной части военно-политических субъектов Запада позиция М. Тэтчер. Согласно политике из Великобритании, «события в мире после окончания «холодной войны» развиваются скорее в соответствии с тезисом «столкновения цивилизаций», а не с прогнозом «конца истории» [26, с. 54]. Отчасти можно согласиться с таким подходом, но действительность заставляет усомниться в его культурной глубине, скорее всего, он поверхностен, не закончен или завуалирован, что ближе к истине. Значит позицию политика необходимо «углубить», «привести к общему знаменателю» и «демаскировать» – словом, конкретизировать.

Что же происходит с динамикой развития военной безопасности российского государства в эпоху глобализации? Навряд ли ответ может быть однозначным. То ли это репрезентативная практика её полномочных субъектов за господство в мире, то ли их идеологическое участие в «победном и окончательном марше демократии» по планете на основе западных «лекалов», то ли первое и второе вместе взятые. Как представляется – ни то и ни другое. Важно прояснить отмеченный пробел. Очевидно, что заявление М. Тэтчер вступает в противоречие с реальной военно-политической обстановкой, поскольку «экспорт» демократии остаётся существенной ценностью ряда развитых государств во главе с США. В этой связи, если не исключается, то значительно затрудняется продуктивная реализация инструментальных частей военной безопасности российского государства – деятельности, идеологии и поведения её властных носителей.

Россия предпринимает пока ещё скромные попытки в противостоянии сохраняющимся источникам военной опасности и её основных форм, в качестве которых – под «флагом расширяющейся демократии» – выступает политика ряда индустриальных стран Запада. Для последних характерен монистический взгляд на применение силы, что часто генерирует напряжённость в международных делах и порождает новые вооружённые конфликты. При этом военно-политические субъекты развитых государств планеты не видят, не хотят видеть того факта, что локальные войны могут перерасти в глобальные.

Вместе с тем, согласно Г. Померанцу, «мы впервые в конце XX века отчётливо осознали, что культура производительных сил – отчасти и культура разрушительных. <...> В этом,

наверное, одна из основных черт современного кризиса» [17, с. 447-448]. Видимо известный уровень производительных сил, реализовавшихся в энергию войны, всё труднее совмещается с адекватным ответом россиян на часто возникающие опасности, которые воспроизводятся не только их деятельностью, но поведением и сознанием. Следует добавить к тому же существенное: одним из негативных обстоятельств сказанного выше является наличие практических, идеологических и ценностных лакун в обеспечении военной безопасности российского государства.

Так, окружающее соотечественников, по М.А. Киму, «общество воображаемых решений» [8] предлагает им огромное социокультурное пространство для выбора в интересующей сфере, но без наличия собственных ориентиров невозможно его продуктивное осознание. В свою очередь, различные установки транслируют средства массовой информации, однако, их содержание на сегодняшний день не выходит за рамки бытового существования россиян. Обращение же к морально-этическим основаниям обеспечения военной безопасности российского государства, призванным оформить устойчивые мировоззренческие парадигмы соотечественников, сталкивается с прочной стеной символического потребления. В такой ситуации взаимодействие элементов структурного среза – деятельности, идеологии и поведения носителей полномочий – военной безопасности российского государства не располагает к стратегическому планированию, а вынуждает их реагировать на происходящую модернизацию в условиях цейтнота.

В этой связи важно подчеркнуть, что западная модель развития, будучи в экономическом плане доминантной, в утверждении своей культуры остаётся монистической, стремясь укоренить для российского государства императивы чуждой ему – зависимой от Запада – военной безопасности. Поэтому обсуждение вопросов по осознанию опасности и последующей мобилизации сил для обеспечения военной безопасности России в начале XXI в., по мнению В.П. Прыткова, происходит «в режиме идеологического требования с заранее известным результатом» [18]. Это подразумевает отсутствие диалога, в ходе которого российское государство готовы выслушать и понять. Причин здесь несколько, но основная из них кроется в завышенной самооценке США, которые вследствие неконтролируемой «культурной самодеятельности» стремятся осуществить одиозный проект нового передела мира, где им будет комфортно, а страшно и небезопасно – россиянам.

Возрастание количества опасностей во всех их формах, в среде которых продолжает кристаллизоваться репрезентативная практика субъектов власти по сохранению жизнеспособности россиян, стало одним из подлинных показателей глобализации. И это *шестой фактор*, отражающий активизацию и нацеленность ряда её процессов против военной безопасности России. Данному обстоятельству следует уделить самое пристальное внимание, поскольку оно выступает интеграционной составляющей всех предыдущих – пяти – причин, рассмотренных в настоящей статье.

С одной стороны, проблема риска для исследуемого явления прямо связана с интенцией России к индустриализации, а, с другой – непредвиденными результатами модернизации страны. Неслучайно, С.А. Красиков провёл аналогию: производство и распределение богатства в обществе непременно сменяется производством и распределением в нём рисков [10, с. 13]. Следовательно, последние для обеспечения военной безопасности российского государства – это непрерывное и систематическое взаимодействие с угрозами и вызовами, индуцируемыми «заказом» модернизации как таковым.

Вооружённый конфликт с Грузией в августе 2008 года «заставил» военно-политическую элиту России (Президента, Правительство, Совет Безопасности) придать ускорение вяло текущему процессу проведения военной реформы. Имевшиеся при этом риски в определённой степени не оправдали себя, поскольку оказались непросчитанными по причине

«торопливости». В такой ситуации принятая в 2010 г. Военная доктрина РФ вобрала в себя значительное количество погрешностей.

Так, В.И. Лутовинов ещё на этапе её подготовки предупреждал: «Военная доктрина Российской Федерации в предлагаемой редакции не может оцениваться как приемлемая и требует существенной доработки» [11]. В конечном результате этого не произошло, она осталась с формулировками, которые были продиктованы неоправдавшимися ожиданиями относительно партнёрства с США и НАТО. Например, в данном стратегическом документе указывалось на невозможность прогнозирования конфликтов, отсутствовал раздел о военном управлении. Понадобилось почти пять лет, чтобы исправить допущенные ошибки – 26 декабря 2014 года состоялось принятие обновлённой Военной доктрины Российской Федерации¹.

Со стороны органов государственной власти предметом заботы постепенно становится офицерский корпус, играющий, как известно, существенную роль в войне. Вместе с тем военнослужащим, как специфической категории граждан, важно иметь более высокий статус в российском обществе, чувствовать несравненно большую государственную поддержку за свой труд, сопряжённый с рисками. Значение подобной почётной обязанности неизмеримо весомее деятельности многих чиновников, работников финансовых и коммерческих структур, которая оцениваемой властью предрержащими намного выше.

Как и прежде продолжает оставаться недостаточно высоким престиж Вооружённых сил и военной службы. Преодолению такого ненормального положения в новых военных документах должно быть отведено существенное место. Улучшения требует и воспитательная работа с личным составом. Необходимо повысить уровень и качество не только его материального, но и информационного обеспечения. Эти и другие проблемы военной безопасности, в силу их особой значимости, следует отражать в доктринальных установлениях.

Возрастающее количество опасностей следует рассматривать на уровне социума, представлять как результат модернизации, интенсифицирующей процессы технологического производства. Сегодня отечественная военная безопасность испытывает на себе увеличение числа претензий со стороны ещё недавних партнёров. Например, Франции – по поводу вертолётносца «Мистраль», который, будучи уже построенным и прошедшим испытания, из-за санкций, принятых Западом по отношению к нашему государству, не передаётся законному адресату. Или Украины – по поставкам ряда комплектующих частей для отечественной оборонной промышленности. Очевидно опасности с экстраполяцией на военную безопасность, «выходят из-под контроля» не только отдельного россиянина, но и нации в целом.

Наблюдается сублимационное преобразование, когда опасность во всех её формах проистекает из старого состояния в новое качество. В такой ситуации пассивность или решение об отказе проявлять соотечественниками позитивную «энергию» также представляются технологическими «действиями». И те и другие могут быть не менее контрпродуктивными для обеспечения военной безопасности России.

Пример прекращения поставок комплектующих для части отечественных вооружений и военной техники (далее – ВВТ) в результате событий, происходящих на Украине в 2014-2015 гг., служит тому подтверждением. В данном случае российский социум, своевременно не осознавший потенциальную опасность, сам «принял» участие в создании среды, которая не способствует плодотворной военной безопасности России. Необходимо было выявить и претворить в жизнь специфический механизм минимизации опасностей, но своевременный

¹ См.: Военная доктрина Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ // Российская газета. № 298. 30 декабря 2014 года.

мониторинг формирующегося ущерба интересам государства не реализовался российским субъектом власти с соразмерным качеством и масштабом.

Вероятно сроки поставок определённого – зависимо от импортных составляющих – ВВТ нового поколения в Вооружённые силы РФ будут перенесены на более поздние. Как следствие не в первый раз возникла ситуация: насколько российская элита взяла на себя ответственность за свои действия и поведение по интересующему вопросу или же переложила её на других, завуалировав размах личных промахов? Вопрос риторический. В этой связи справедливо прозвучал упрёк В.В. Путина в адрес министра промышленности РФ Д. Мантурова: «Нам нужно было быть заранее готовыми к любому развитию ситуации, в том числе и с точки зрения импортозамещения» [19].

Необходимо отметить и положительный момент в стремлении полномочных агентов полномочий военной безопасности, что связано с осмыслением рисков во время подготовки и проведения операции по стабилизации ситуации в Крыму, с последующим его присоединением к России в марте-апреле 2014 года. С подобным были вынуждены согласиться и наши оппоненты. Так, директор Агентства национальной безопасности США Дж. Клэппер заявил: «Благодаря маскировке радиопереговоров и отвлекающему маневру на границе с Украиной – проведению учений – Россия добилась тактической внезапности, выразившейся в скрытом появлении войсковых подразделений <...> и их дальнейшем координированном взаимодействии» [9].

Этому способствовало осуществление российским военно-политическим субъектом своевременного мониторинга ситуации в Крыму, адекватного мышления и решительного действия. Задача заключалась отнюдь не в том, чтобы действовать на полуострове в прямом смысле вооружёнными силами. С одной стороны, личному составу спецподразделений Вооружённых Сил РФ важно было обеспечить безопасность крымчан и благоприятные условия их волеизъявления в ходе проводимого референдума. С другой, по оценке Е.А. Ходаковского, «сделать “шаг”, <...> закладывающий основу <...> альтернативного варианта глобализации» [28, с. 43]. Согласно О.В. Советниковой, «этот шаг» Россия адекватно воплотила на платформе следующего: наблюдения – интенции – решения – «мягкого» действия [24, с. 153].

Таким образом, социально-философский анализ в сочетании с возможностями факторной интерпретации военной безопасности российского государства позволили продуктивно оценить её динамику развития. Под воздействием глобализационных процессов она отражает эволюционный переход от одного качества деятельности, идеологии и поведения её полномочных субъектов – к другому, связанному с модернизацией силового компонента России и государства в целом.

Возможность возникновения притворного или переломного уровней военной безопасности российского государства в эпоху «символа всеобщего» значительно повышается при проявлении ряда обстоятельств: а) уменьшении вероятности достижения властными носителями искомой цели; б) обстановке наличия одновременного многообразия альтернатив по средствам применения, способам взаимодействия и формам объединения её полномочных агентов; в) возрастании «цены» за риск в совершении потенциально возможной ошибки субъективными силами. Это пронизывает значительную часть факторов воздействия глобализационных процессов на её динамику развития. Укоренение реального или приемлемого уровней военной безопасности российского государства может произойти тогда, когда изменения указанных условий примут противоположные смыслы.

Непрекращающиеся в эпоху глобализации вооружённые конфликты являются серьёзной препоной по обеспечению ручательств бытия россиян. В репрезентативной практике полномочных носителей военной безопасности необходимо исключить бесперспективные уступки «наступающему» Западу. С одной стороны, это обуславливается тем, что они могут

способствовать снижению её потенциала. С другой – станут восприниматься противоположной стороной показателем уязвимости государства. С третьей – создадут напряжения в обеспечении национальных интересов и сбережении материальных и духовных ценностей россиян.

Динамика развития военной безопасности должна предусматривать такую тенденцию в репрезентативной практике её субъектов, которая утверждала бы их интенцию к сбережению накопленного опыта соотечественников по интересующему вопросу. Она непреложно предполагает своевременное и адекватное решение российского социума на мобилизацию его сил и средств в достижении причинённой цели.

Стремительное увеличение информационных потоков способствует молниеносному распространению результатов противоправных актов террористов, сепаратистов и националистов различного толка. Эти «медиа-матрицы» оказываются в социальных сетях «всемирной паутины», а значит – в поле зрения мирных граждан, сея среди них страх и панику. Военная безопасность нуждается в незамедлительном формировании идеологии, которая могла бы придать продуктивный импульс деятельности и поведению её «агентов» в подобном развороте развития событий. И пока таковая отсутствует: действительная опасность будет замалчиваться или скрываться противником; оригинал адекватного ответа российского субъекта обесцениваться или предаваться забвению; качество в достижении искомой цели соотечественниками снижаться или пролонгироваться по времени в социокультурном пространстве.

В динамике развития военной безопасности проявляются закономерные тенденции: сочетания усложнения с деградацией, прогресса с регрессом и роста упорядоченности с хаосом. При этом предмет анализа – в контексте деятельности, идеологии и поведения субъектов – испытывает в определённой степени доминирование негативных процессов в нём над «весом» позитивных.

«Экспорт» демократии остаётся существенной ценностью ряда развитых государств во главе с США, что, если не исключает, то значительно затрудняет эффективную реализацию инструментальных частей военной безопасности. Уровень производительных сил, реализовавшихся в энергию войны, всё труднее совмещается с адекватным ответом россиян на часто возникающие опасности во всех её формах. Одними из малопродуктивных обстоятельств указанного является наличие практических, идеологических и этических лакун в военной безопасности российского государства.

Опасности для военной безопасности представляют собой постоянный компонент любой репрезентативной – как конструктивной, так и деструктивной – практики соотечественников, что актуализирует их адаптацию к рискогенной среде. Последняя включает в себя не только подобную деятельность, но и характеристику российского социума, который всё чаще принимает решения при наличии не одной, а множества альтернатив. При этом характер возможных последствий играет важную роль в формировании россиянами адекватного ответа на возникшую военную опасность с последующим достижением искомой цели.

Рассмотренная в статье научная проблема не охватывает всего объёма её вопросов, что обусловлено продолжающимся глобальным кризисом и начавшейся модернизацией России. Обобщённые выводы не являются бесспорными и окончательными, но есть основания полагать, что их осуществление будет способствовать плодотворной динамике развития военной безопасности российского государства. Вооружение соотечественников знаниями о репрезентативных практиках носителей военной безопасности своевременно и необходимо. Автор же заканчивает на данном пункте свою работу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белковский С. Русские войны: крупнейшие бюрократические, корпоративные, информационные конфликты в России в 2013 году. URL: slon.ru/russia/doclad_belkovskogo-1035081.xhtml (обращение 15.04.2014).
2. Вагурин В.А. Синергетика эволюции современного общества. Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007. 216 с.
3. Гейтс Р. Запоздалое признание. URL: <http://news.mail.ru/politics/4371460/> (обращение 2.09.2010).
4. Грачёва Т.В. Святая Русь против Хазарии. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. Рязань: Зёрна, 2009. 304 с.
5. Дылевский И.Н., Комов С.А., Коротков С.В., Родионов С.Н., Полякова Т.А., Фёдоров А.В. К вопросу о международно-правовой квалификации информационных операций // Военная мысль. 2008. № 2. С. 2-10.
6. Жильцов Д. Военно-политический курс США // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 7. С. 3-10.
7. Извеков А.И. Запад и остальной мир: бессмысленный конфликт // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 2-х ч. 2013. № 1. Ч. 1. С. 86-88.
8. Ким М.А. Роль симулякра в современной культуре // Теория и практика общественного развития. Электронное периодическое издание. 2013. № 11. URL: www.teoria-practica.ru/ru/2013/11-2013.html (обращение 6.04.2014).
9. Клэппер Дж. Россия скрыла от США подготовку операции в Крыму. URL: news.mail.ru/politics/1751662/ (обращение 30.03.2014).
10. Красиков С.А. Исследования рисков в западной социологии // СОЦИС. 2008. № 9. С. 12-19.
11. Лутовинов В.И. Военная доктрина и требования времени. URL: <http://vpk-news.ru/articles/7107> (обращение 24.02.2014).
12. Лутовинов В.И. Развитие и использование невоенных мер для укрепления военной безопасности Российской Федерации // Военная мысль. 2009. № 5. С. 2-12.
13. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: МНЭПУ, 2000. 224 с.
14. Молчанов Н.А. Информационный потенциал зарубежных стран как источник угроз военной безопасности РФ // Военная мысль. 2008. № 10. С. 2-12.
15. Мюллер Дж. Капитализм, демократия и удобная бакалейная лавка Ральфа. М.: Олимп-Бизнес, 2006. 277 с.
16. Рябчук В.Д. Проблемы военной науки и военного прогнозирования в условиях интеллектуально-информационного противоборства // Военная мысль. 2008. № 5. С. 67-76.
17. Померанец Г. Диалог культурных миров // Лики культуры: Альманах. М.: «Юрист», 1995. Т. 1. С. 447-448.

18. Прытков В.П. Неустрашимость и амбивалентность идеологии // Теория и практика общественного развития. Электронное периодическое издание. 2014. № 3. URL: www.teoria-practica.ru/ru/2014/3-2014.html (обращение 23.03.2014).
19. Путин призвал готовиться к импортозамещению. URL: www.vesti.ru/doc.html (обращение 17.04.2014).
20. Сергеев И.В. Теоретические основы информационно-пропагандистского воздействия как основополагающего способа ведения информационно-психологической войны // Научная перспектива. 2015. № 1(59). С. 56-58.
21. Серебрянников В.В. Природа человека: источник войн или миролюбия. М.: Научный мир, 2007. 356 с.
22. Серов А. О роли дезинформации в современных конфликтах и войнах // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 7. С. 15-21.
23. Скрыльник А.И. Человек воинствен или миролюбив? // Безопасность Евразии. 2007. № 4. С. 531-534.
24. Советникова О.В. Инструмент «мягкой силы» во внешней политике России в XXI веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 2-х ч. 2014. № 11(49). Ч. 1. С. 153-155.
25. Ташлыков С.Л. Общие черты и некоторые особенности содержания современных военных конфликтов с участием США и их союзников // Военная мысль. 2010. № 8. С. 19-26.
26. Тэтчер М. Искусство управления государством: стратегии для меняющегося мира. М., 2003. 346 с.
27. Хайдеггер М. Время и бытие / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Академический проект, 2011. 460 с.
28. Ходаковский Е.А. Третья Отечественная Третьего Рима: битва за Новороссию // Пространство и время. 2014. № 2(16). С. 43-48.
29. Чумаков А.Н. Глобализация и космополитизм в контексте современности // Вопросы философии. 2009. № 2. С. 32-39.
30. Эко У. Пражское кладбище. Пер. с итал. Е. Костюкович. М.: АСТ, 2012. 560 с.
31. Яковлева Е.Л., Гайнуллина Л.Ф. Технологии манипуляции сознанием и современное мифотворчество // Известия Уральского федерального государственного университета. Серия 3. Общественные науки. Социальная философия и социология. 2013. № 3(118). С. 172-178.

Vershilov Sergey Anatolievich

Branch of the Military educational-scientific center of Military-air forces "Military-air academy"

Russia, Krasnodar

E-mail: vershil@mail.ru

Dynamics of development of military safety of Russian state

Abstract. Availability of wars and the armed conflicts increase the importance of researches of dynamics of development of military safety. However in the scientific literature for the present there is no conventional approach to the problem declared in article. Factorial interpretation, coupled with the possibilities of socially-philosophical analysis, which carrying out relatively military safety of the Russian state is scheduled within the article, will emphasize its dynamics of development under the influence of globalization processes. The author supposes that his attempt in interpretation indicated will help to open slightly a "veil" on so exciting question.

Keywords: danger; dynamics of development; factorial analysis; information; military conflict; military safety; military and political situation; national safety; subject; social and philosophical analysis; status; threat; war.

REFERENCES

1. Belkovskiy S. Russkie voyny: krupneyshie byurokraticheskie, korporativnye, informatsionnye konflikty v Rossii v 2013 godu. URL: slon.ru/russia/doclad_belkovskogo-1035081.xhtml (obrashchenie 15.04.2014).
2. Vagurin V.A. Sinergetika evolyutsii sovremennogo obshchestva. Izd. 3-e, stereotipnoe. M.: KomKniga, 2007. 216 s.
3. Geyts R. Zapozdaloe priznanie. URL: <http://news.mail.ru/politics/4371460/> (obrashchenie 2.09.2010).
4. Gracheva T.V. Svyataya Rus' protiv Khazarii. Algoritmy geopolitiki i strategii taynykh voyn mirovoy zakulisy. Ryazan': Zerna, 2009. 304 s.
5. Dylevskiy I.N., Komov S.A., Korotkov S.V., Rodionov S.N., Polyakova T.A., Fedorov A.V. K voprosu o mezhdunarodno-pravovoy kvalifikatsii informatsionnykh operatsiy // Voennaya mysl'. 2008. № 2. S. 2-10.
6. Zhil'tsov D. Voenno-politicheskiy kurs SShA // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2011. № 7. S. 3-10.
7. Izvekov A.I. Zapad i ostal'noy mir: bessmyslennyy konflikt // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. V 2-kh ch. 2013. № 1. Ch. 1. S. 86-88.
8. Kim M.A. Rol' simulyakra v sovremennoy kul'ture // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. Elektronnoe periodicheskoe izdanie. 2013. № 11. URL: www.teoria-practica.ru/ru/2013/11-2013.html (obrashchenie 6.04.2014).
9. Klepper Dzh. Rossiya skryla ot SShA podgotovku operatsii v Krymu. URL: news.mail.ru/politics/1751662/ (obrashchenie 30.03.2014).
10. Krasikov S.A. Issledovaniya riskov v zapadnoy sotsiologii // SOTsIS. 2008. № 9. S. 12-19.
11. Lutovinov V.I. Voennaya doktrina i trebovaniya vremeni. URL: <http://vpk-news.ru/articles/7107> (obrashchenie 24.02.2014).
12. Lutovinov V.I. Razvitie i ispol'zovanie nevoennykh mer dlya ukrepleniya voennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii // Voennaya mysl'. 2009. № 5. S. 2-12.
13. Moiseev N.N. Sud'ba tsivilizatsii. Put' Razuma. M.: MNEPU, 2000. 224 s.
14. Molchanov N.A. Informatsionnyy potentsial zarubezhnykh stran kak istochnik ugroz voennoy bezopasnosti RF // Voennaya mysl'. 2008. № 10. S. 2-12.
15. Myuller Dzh. Kapitalizm, demokratiya i udobnaya bakaleynaya lavka Ral'fa. M.: Olimp-Biznes, 2006. 277 s.
16. Ryabchuk V.D. Problemy voennoy nauki i voennogo prognozirovaniya v usloviyakh intellektual'no-informatsionnogo protivoborstva // Voennaya mysl'. 2008. № 5. S. 67-76.
17. Pomeranets G. Dialog kul'turnykh mirov // Liki kul'tury: Al'manakh. M.: «Yurist», 1995. T. 1. S. 447-448.
18. Prytkov V.P. Neustranimost' i ambivalentnost' ideologii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. Elektronnoe periodicheskoe izdanie. 2014. № 3. URL: www.teoria-practica.ru/ru/2014/3-2014.html (obrashchenie 23.03.2014).

19. Putin prizval gotovit'sya k importozameshcheniyu. URL: www.vesti.ru/doc.html (obrashchenie 17.04.2014).
20. Sergeev I.V. Teoreticheskie osnovy informatsionno-propagandistskogo vozdeystviya kak osnovopolagayushchego sposoba vedeniya informatsionno-psikhologicheskoy voyny // Nauchnaya perspektiva. 2015. № 1(59). S. 56-58.
21. Serebryannikov V.V. Priroda cheloveka: istochnik voyn ili mirolyubiya. M.: Nauchnyy mir, 2007. 356 s.
22. Serov A. O roli dezinformatsii v sovremennykh konfliktakh i voynakh // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2011. № 7. S. 15-21.
23. Skryl'nik A.I. Chelovek voinstven ili mirolyubiv? // Bezopasnost' Evrazii. 2007. № 4. S. 531-534.
24. Sovetnikova O.V. Instrument «myagkoy sily» vo vneshney politike Rossii v XXI veke // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. V 2-kh ch. 2014. № 11(49). Ch. 1. S. 153-155.
25. Tashlykov S.L. Obshchie cherty i nekotorye osobennosti sodержaniya sovremennykh voennykh konfliktov s uchastiem SShA i ikh soyuznikov // Voennaya mysl'. 2010. № 8. S. 19-26.
26. Tetcher M. Iskusstvo upravleniya gosudarstvom: strategii dlya menyayushchegosya mira. M., 2003. 346 s.
27. Khaydegger M. Vremya i bytie / Per. s nem. V.V. Bibikhina. M.: Akademicheskiiy proekt, 2011. 460 s.
28. Khodakovskiy E.A. Tret'ya Otechestvennaya Tret'ego Rima: bitva za Novorossiyu // Prostranstvo i vremya. 2014. № 2(16). S. 43-48.
29. Chumakov A.N. Globalizatsiya i kosmopolitizm v kontekste sovremennosti // Voprosy filosofii. 2009. № 2. S. 32-39.
30. Eko U. Prazhskoe kladbishche. Per. s ital. E. Kostyukovich. M.: AST, 2012. 560 s.
31. Yakovleva E.L., Gaynullina L.F. Tekhnologii manipulyatsii soznaniem i sovremennoe mifotvorchestvo // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo gosuniversiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki. Sotsial'naya filosofiya i sotsiologiya. 2013. № 3(118). S. 172-178.